

Серафима Чеснокова

11 класс, школа 76. Пресс-центр «Поколение». Санкт-Петербург

«Гамлет» на современной сцене

«Буду!»

Как говорил Белинский, «Гамлет — это вы, это я, это каждый из нас». Весь наш человеческий или «Гамлетовский» путь, увы, проходит в рамках этого измерения и так или иначе направлен на миропостижение. В каждом «Гамлете» должна содержаться попытка объяснить устройство мира, иначе это и не Гамлет вовсе. В конце 1990-х литовский метафизик Эймунтас Някрошюс разыгрывал ее где-то на мрачных просторах языческого космоса, и главными героями трагедии становились вовсе не принц датский с товарищами, а лед, огонь и вода. В нулевые у Оскараса Коршуноваса Вселенная сжималась до размеров крошечной гримерки, но весь мир оказывался фейком, подделкой, а подлинник был давно и безвозвратно утрачен.

У Юрия Бутусова мир беспредметен. Все ускользает от конкретного определения. Эта реальность лишена явно выраженных свойств и потому непостижима. Тени и люди, живые и мертвые, тело и сознание, существующие в отрыве друг от друга, встречаются здесь. В этом мире «невероятно душно». Душно и пусто. Сценография аскетична — лишь изредка стерильное, лишенное примет быта пространство рассекает графичная линия длинного черного стола, который больше походит на подмости в иное бытие. Даже музыки здесь почти нет — описываемая режиссером реальность непроницаема.

Интенсивность, динамику и напряженность в пространство спектакля вносит сам принц датский. Этот Гамлет (Лаура Пицхелаури) вполне способен постоять и за себя, и за Гамлета. Начиная выстраивать образ на броском контрасте внешней хрупкости, уязвимости героини и материала роли, Бутусов в

какой-то момент заставляет публику начисто забыть о том, как выглядит его Гамлет, какого он пола, во что одет, сколько ему лет. Главное, что в нем еще бьется живое сердце, он еще может испытывать боль, отсюда его неприкаянность среди заторможенных и полубезумных героев. Вокруг него не люди, а лица-маски. Здесь и клоунские личины, и физиономии слуг, утратившие человеческие очертания (лица актеров, похожие на куски пластилина, туго стянуты нитями), и гипсовые посмертные маски (с подобной выйдет на сцену Полоний, перед тем, как быть заколотым Гамлетом). За спины этих гротескно ничтожных героев задувает экзистенциальный сквозняк, а сами они выглядят ожидателями беккетовского «Годо» — навеки застывшими на месте, тщетно силившимися вникнуть в интригу происходящего.

В «Гамлете» Юрия Бутусова шекспировские герои освобождаются от искусственности и масочности только после потери рассудка. Безумие — акт освобождения. Офелия сначала является нам в образе невротичного мужчины (Федор Пшеничный) с набеленным лицом, выпученными глазами и скрученным от страха телом. Офелия — существо, затравленное жестоким миром, утратившее волю, право на голос и женскую природу. В своем истинном облике она предстанет в исполнении Юстины Вонщик (после отповеди Гамлета и перед самоубийством) — чистой, робкой, наивной девушки.

В сравнении с прежними спектаклями Юрия Бутусова («Сном об осени», к примеру), где состояние одиночества и страха преодолевалось предельной напряженностью чувств вместе с оглушающим и стремительным ходом действия, в «Гамлете» ритм намеренно затянут. Режиссер не жалеет сценического времени и на протяжении нескольких минут, например, заставляет публику следить за тем, как актеры расставляют сотни бутылок на длинном деревянном столе, а затем одну за другой уносят со сцены. Это рисунок, представленный в фигурах, тенях, звуках, которые и не звуки вовсе, а знаки пустоты и тишины. В эту тишину входят только те, кто больше не

способен жить в «надрыве», кто устал от истерик, кто «выпотрошил» свое и достиг этой самой тишины. В поисках надежды по ту сторону отчаяния.

Историк театра, шекспировед Алексей Бартошевич как-то заметил, что есть времена, достойные «Гамлета», имеющие на него духовное и эстетическое право, и времена, которым нечего предложить пьесе. Вспоминается выпущенный в 1932 году, но проникнутый революционным духом 1920-х спектакль Николая Акимова, превращавшего трагедию в памфлет, фарс о борьбе за власть, или вышедший на сцену Таганки на заре застойных 1970-х Гамлет — Высоцкий, диссидент и бунтарь с гитарой и в джинсах. «Гамлет» Юрия Бутусова — дитя времени, когда и труба пониже, и дым пожиже: поставленный в эпоху утраты единого исторического текста, того, что философы называют «большим нарративом», он не отвечает на главные вопросы человеческого бытия, но хотя бы имеет мужество задавать их вновь и вновь.

- «Буду!»

Или не буду. «Гамлет» Валерия Фокина, поставленный на сцене Александринского театра, точно «не будет». Ну, что же, недостойных времени Гамлетов много. Или же просто время у нас такое «недостойное». В гротескной сценографии Александра Боровского население Дании — то ли футбольные фанаты, то ли заключенные Средневековья. Действие разворачивается в сложной конструкции-клетке — трибун. Зрителям почти ничего не видно, кроме спин сидящих. И хорошо, что не видно. Мало ли какие подробности «вскроются» на этой коронации. Но где же Гамлет (Иван Ефремов)? Ах, да. Он пьян или чего хуже. Надоел, оказывается, не только зрителям, но и всей своей «семье». Щуплый, некрасивый, кривляется, не соблюдает этикет, напивается не вовремя, лезет куда не надо, думает что-то не то, придуривается. И больше всех он достал свою мать. Естественно, ответственность же пала на «хрупкие плечи» Гертруды (Марина Игнатова). Она

презирает мужчин, новоиспеченного супруга-короля брезгливо прячет под юбку от опасного сынка-принца, которому в свою очередь с отвращением утирает нос; осознав степень своего падения, она с отвагой опрокидывает миску с ядом. А сверхнервный Гамлет в это время то мечется по сцене и зрительному залу, то пускает слюни. Он не просто совершает убийство Полония в неистовом приступе бешенства, а буквально потрошит тело старика кухонным ножом и яростно таскает его труп (куклу) по сцене. Ну, а что еще делать СЛАБОМУ Гамлету. Он восстанет, возьмет в руки меч, сразится с противником, мимоходом любуясь своим превосходством, умрет. Только вот в мире «футбольных фанатов» смерть — не очищение, а еще большее унижение (правда, непонятно для кого). Могила уже давно готова. На протяжении всего спектакля туда бросали всякого рода «мусор». А теперь там окажется и сам Гамлет. Фокин попытался «разоблачить» Гамлетов нашего времени. Тогда уместнее сказать: «Эпоха не та, что же сделаешь». Но ведь и условия, противоречащие поиску света, не могут остановить человека искать этот самый свет.

«Иначе как терпеть тычки, смешки,
Бесчестие, неправду угнетенья,
Боль нелюбви, закона промедленье...»